

Валентин Мазуров

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

Больше всего человек обижается, если ставят под
сомнение его чувство юмора или же его право
быть несчастливым.

Синклер Льюис

Горе нельзя разделить. Каждый несет его в одиночку.

Энн Морроу Линдберг

Я умираю.

За окном льет дождь. Капли тарабанят по карнизу, словно пикетчики по ведрам и мусорным бакам перед фасадом городской администрации. Молоточками стучит пульс в висках, неторопливо бьется сердце, и у меня вошло в привычку прикладывать руку к грудной клетке, чтобы напрямую ощущать его сокращения – это успокаивает, это значит, что я еще здесь.

Иногда снится сон, как я стою на краю водопада и держу невидимое сердце на ладони, пульсирующее со звуком часового механизма. Внизу бурлит пена, а вверх поднимается теплый пар. Я смотрю на фиолетовый закат и с трудом удерживаю жутко неустойчивое сердце в руке, будто там балансирует шпага, поставленная на острый конец.

Просыпаюсь и понимаю, что наручные часы теперь тикают слишком громко.

Я умираю.

Палата обставлена корзинами с фруктами, мол, они помогут восстановить силы. Какие силы? Для чего? Чтобы отжиматься от перил больничной койки? Или наматывать круги по больничному двору, вбирая в себя дозу чужого горя похлеще, чем порция облучения от химиотерапии? Приносят эти натюрморты для успокоения души, а они потом гниют...

Лица у посетителей нашего отделения особые, словно они держат за леску мраморный сейф с самым дорогим имуществом, свисающий с края пропасти. Тоненькая нить с каждой секундой всё глубже впивается в запястье, постепенно рассекает кожу, надрезает мясо, превращаясь в блестящий алый браслет, упирается в кость, со скрипом трется об нее, - и даже наиболее оптимистичному оптимисту становится ясно, что хуй ты удержишь эту тяжеленную металлическую громадину, пускай и с наиценнейшими сокровищами мира. А они не теряют надежды. Верят, что в последний момент перетянут леску на себя, нарушат законы природы, и уж наверняка не отпустят.

Я умираю!

Теперь могу воистину оценивать, что имеет значение, а что искусственно вырисовывается дешевой палитрой, дабы корпус жизни обладал своим неподражаемым дизайном-раскраской. Рецепт эксклюзивной аппликации элементарен: мазок неразделенной любви, немного сор и шумных перебранок, пятно интриг в углу, фон из сплетен и зависти, портрет кумира на первом плане, легкие контуры краеугольного камня мироздания и смысла

бытия, чуток заретушируем жестокостью, обманом и сексом, финальная точка: жирный, вонючий медицинский мазок поперек всего творенья. Вот оно искусство живописи!

Теперь то, что было для меня самыми ужасными и позорными воспоминаниями, растворилось аспирином в стакане воды, оставив привкус иронии. Будничные дни, отчеканенные под копирку, превратились в неповторимую ностальгию. Радостные и приятные эпизоды - в вечность, забытую в отеле чужой страны, куда не суждено вернуться.

Я умираю...

Я сижу на кровати в нестиранной футболке, пропитавшейся сыростью и запахом медикаментов, смотрю на столик, где стоит надпитая бутылка «Колы» и надкуренная пачка «Парламента». Мне говорили, что сигареты и «газированное чернило» угрожают моему здоровью, убьют раньше положенного срока... прогадали: на самом-то деле убивают раковые клетки!

Мне одиноко. Целую неделю не приходят друзья, хотя я их вовсе не виню. Старательно убеждаю себя, что не виню, зная: многие из них плачут по вечерам и проклинают Бога, ведь рядом со мной была уйма хороших людей, которые именно так и должны поступать. Им намного проще будет воспринять факт, что меня больше нет, чем данность - я умираю. А возможно, что-то предчувствуют. Телефон вибрирует на тумбочке от входящих смс, но читать и тем более отвечать на них не собираюсь. Лучше потратить время на разгадку sudoku или кроссворда, чем разминать большой палец набором латиницы на неудобной клавиатуре мобилки. Никогда не уважал людей, выбирающих самые легкие пути, максимально облегчающих задачи и сглаживающих (зализывающих) углы. Потому, если меня поздравляли с днем рождения смс – я дарил потом смс-подарки и назначал смс-встречи.

Я умираю.

Депрессия. Постоянно слыша это слово от близких друзей и посредственных знакомых, я одинаково приходил в ярость. Малейшая неурядица, слегка опозорился, столкнулся с переменами в жизни и срочно надо уйти в волшебный мир самотраха, виртуально-извращенного понятия, от которого не бывает детей, но могут возникнуть вполне реальные проблемы с самооценкой. Спрашивал конкретно, что такое депрессия? А лаконичного ответа никогда не получал. Поясняли, дескать, когда душу в кашку скручивает, невероятно хреново, ничего не хочется делать, теряешь взаимопонимание с людьми, внутри повышается давление и тебе становится тесно в собственном теле. Я в противовес утверждал, что депрессия – это целиком и полностью надуманное понятие для отгороженных от горя любителей пострадать. Кстати, ненавижу их, ведь поддаются на соблазн преображения в бесформенный желатин, начиненный тонной пустых мыслей, размножающихся быстрее кроликов под «виагрой». А главное можно гордо прикрыться почти врачебным термином «депрессия», вот и оправдание, как справка за прогулянную физкультуру. Мне так и не смогли объяснить в двух словах, что означает депрессия, а я стал на удивление краток и осмелюсь.

Депрессия – это когда ты умираешь...

Мне чертовски страшно, особенно ночью. Один раз простое вздутие после куриной похлебки напугало меня до задурманенного состояния, погрузившее тело в невесомость и закружившее его в неизвестность. Подумать только: урчащий живот и вытравливание газов с характерным звуком сотворили для меня иллюзию отбывания в мир иной. Ту-ту, паровозик на сероводороде тронулся с перрона! Ничего смешного, запредельно страшно, ужас обморозил и обжег ежесекундно, взрывом встряхнул сознание. Оправдание элементарное: я не могу знать, каково оно будет. Подолгу не засыпаю, слишком бурный поток мыслей циркулирует в голове, все думаю и думаю. Меньше всего о настоящем, порой окунаюсь в прошлое, но чаще в несуществующее будущее. Там мне комфортно и свободно, ведь я могу лепить из него всё что угодно и верить - так бы оно и случилось, не проклянувшись гребаный недуг.

Забавно, люди придумывают миллионы способов похудеть: диеты по крови, порошковые коктейли, пояс «обжимник», лепосакция и даже травяные клизмы. Толстяки и просто люди с заниженной самооценкой отдают огромные деньги и пробуют все, что подsunут под нос. Хоть сушеными фекалиями змеи ноздри помажут в надежде на их волшебные свойства. Им невдомек, что лишнее килограммы на весах – это счастье. А лучшее и самое действенное средство для похудения – заболеть раком.

Я живу.

Что я сделал и что оставляю после себя? Да ничего толком не успел: ни с близняшками переспать, ни поехать автостопом в путешествие Европой, ни обляпать машину ректора собачим дерьмом после получения диплома, ни засветить голой жопой в прямом эфире новостей ... не-е, здесь главное другое обстоятельство: я уже не хочу этого делать. Разве что выздороветь бы чудесным образом, айда по телику покажут лицо мое, а не жопу...

Ничего выдающегося за собой не припоминаю, кроме помощи беспризорным детям в 2008-ом году, когда выложил все имеющиеся деньги на исполнение их новогодних желаний (подтолкнула на контрольную закупку и раздачу сладостей бывшая девушка, потому засчитывается наполовину) и оказание первой помощи немощной старушке, упавшей с эскалатора в метро. Возможно, в речах знакомых прозвучит еще несколько позитивных страничек моей биографии, ведь о покойнике либо молчат, либо говорят только хорошее (приукрашивают). Насколько сложно будет поверить в данность склеенных мною ласт? Мысленно уже все поставили крест, разве что на пузе маркером его не нарисовали, и я собственноручно занял позу со скрещенными на груди руками в гробу, вот только ощущаю в ладонях отголосок сердцебиения.

Я умираю.

Верю ли я в чудо, надеюсь? Больше чем кто-либо! Не смотря на обреченность и фатальность слов, я не способен признать, что умираю, ведь не предвижу, какого подвоха следует ожидать от смерти, что предстоит стерпеть. Но коль уж суждено помереть, то предпочту реинкарнацию в панду – милого и, сука, стильного медвежонка. Как редкому вымирающему виду мне разрешат трахаться налево и направо, даже поощрять будут и всячески охаживать. Добрый травоядный симпатичный – у меня от самочек проходу не будет, только успевай брюшко подставлять, чтоб чесали. А рожусь, однозначно, на воле или в заповеднике; на хер надо за прутьями позировать одноразовым фотоаппаратом.

Я не хочу умирать.

Хм-м, а душа есть? Параллельные миры? Бог? Не нарочно вспоминаю слова знакомого психолога: «Не верю я в Бога, не верю – и все! Это выдумка человека, как и все что нас окружает. Может, поверю в Него в старости, когда страшно станет, даже не может, а сто процентов поверю, но сейчас убежденный атеист». Точно так же и я был приверженцем идей Ницше, что слабые люди выдумали себе опору по жизни, автоматически отметающую самые страшные развязки смерти (например – вечную темноту)... теперь ни ставлю даже под малейшее сомнение душу, Бога и другие вселенные.

Я умираю

Мне очень больно. Голову несколько дней назад нестерпимо плотно сдавило в тиски, пришлось схватить пульт от телевизора и зажать челюстью с такой силой, подавляя вопль, что с хрустом надломился зуб. Возможно, физическая боль усугубляется моим самонастроением на адские страдания, но чувство когда наступает очередной приступ, словно самый мерзкий, раздражительный, низкочастотный писк пропускают через уши, а от его громкости вибрируют стены и кровать. И боль будто пронесется, пронзает все существующие пространственные уровни. Руки и ноги по утрам отекают, суставы ломит, и я познал на себе абстрактное сравнение «словно битым стеклом засыпаны», вперемешку с дробью и металлической стружкой.

Я умираю.

Сегодня сквозняком сбило с края умывальника розовую зубную щетку, и я могу поклясться, что видел в замедленной съемке, как она летела на кафель, описывая черные дымовые круги в воздухе. Я замер и необъяснимо долго пялился на щетку в барби-стаил, валяющуюся рядом с ловушкой для тараканов. Где-то из района пресса к горлу масляным пятном поднялся горький ком, затруднивший дыхание.

Мне жаль младшую сестру и родителей, искренне жаль (хотя себя жалею, наверное, больше). Им должно быть больнее, чем мне, да и вряд ли боль когда-либо уйдет из их сердец (*ведь я так хочу?*)

... а мое сердце просто остановится. Мы часто вспоминаем с Аленой детство, самые мелкие подробности глупых шалостей и проказ, нечто соединяющее лишь нас двоих и больше никого. Она принесла старое видео, где мы еще дошкольного возраста пытаемся поставить сценку из терминатора: я приделал себе скотчем кусок фольги на глаз с красной точкой, а вместо крови у нас были наслюнявленные багровые нитки. Видео длится около двух часов, в тесных домашних условиях, на отдыхе в Турции, в селе у бабушки. Всюду мы стараемся оставить финальный комментарий именно за собой и чрезмерно много балаболим, ровно столько же, как сейчас молчим. Такие фильмы не могут оставить безразличными, заставят улыбнуться даже каменную статую... а она плакала. Очаровательно улыбалась до ушей и постоянно терла мокрые глаза, боясь посмотреть в мою сторону и впасть в дикую истерику. А я глотал слезы и до боли сжимал в кулаках покрывало, сердце щемило, и отчаянье наталкивало на мысль, что лучше б оно перестало биться, заглохло, заткнулось именно в этот миг. Слишком больно. Когда по экрану пошли серые полосы, я наклонился к Алене и обнял настолько крепко, насколько это было возможно. Я никогда себе раньше такого не позволял

(дурак!)

, был сдержанным в проявлениях эмоций и брезгливо относился ко всякой семейной сентиментальности. А тогда не хотел отпускать, боялся кабы не задушить, но не мог отпустить, ослабить объятия, слишком долгим будет расставание, слишком громадна вероятность, что на следующие ее крепкие объятия *я не смогу ответить взаимностью*. Больно!

Я умираю.

С трудом усну после уколов и снова вижу сон.

Сердце не с той стороны, но колотится как бешеное, и я придерживаю его рукой. Ирреально гулкий пульс, подбрасывающий ладонь, резко обрывается и дает почин неведомой разновидности паралича

(заимствованной из ночных кошмаров)

, части тела немеют и миллионы крохотных термитов копошатся клешнями под кожей. Невозможно ни вдохнуть, ни пошевелиться, только хриплый крик утробным голосом (слова всегда забываю), чтобы понять - я еще жив. Полная обреченность и беспомощность, кроме этого крика – точно не голосовыми связками, а вырвавшегося изнутри бестелесным духом. Ток растекается по моему телу, довершая самовнушенный атипичный припадок инсульта с признаками, одолженными исключительно из собственной фантазии. Всё ощущается подлинно в соответствии с законами физики и анатомии. Знаю, что единственный путь к спасению открыть глаза, но главная загвоздка – глаза уже открыты.

Реальность и рожденный подсознанием сон вступают в противостояние, и реальность все-таки побеждает, я вырвался и глотнул воздух.

Проснулся.

Надо мной склоняется встревоженное лицо сестры, ночующей несколько последних дней на соседней кровати; спешно тарахтит сердце, на коже проступил холодный пот, от которого зябнет тело. Спасибо тебе Господи я проснулся...

...или я в очередной раз умер?

Сестра берет мои холодные, бледные с венозными веточками кисти в свои нежные, теплые руки и целует сухими губами лоб.

Привлекательная девушка-сиделка в белом халате откладывает блокнот и ручку в сторону и берет со стола шприц с бесцветной жидкостью. На койке под капельницей лежит гладко выбритый, статный парень, рефлекторно подергивающий указательным пальцем. Девушка вонзает иглу в катетер и разряжает шприц, поглаживая руку пациента.

Даша никогда не думала становиться волонтером, просто следовало отработать практику для университета. Но непредвиденно, почти дармовой труд ухаживания за человекообразным растением, растянулся на два года.

Некогда перспективный сын депутата, любящий полеты на спортивных мотоциклах, однажды нарвался на очень жесткую посадку, расколовшую на три части шлем. Молодого человека вытащили с того света, когда он уже переступил порог двумя ногами. Хотя точнее будет: вернули ломаную линию-диаграмму на прикроватный монитор, а сознание потерялось в ходе операции.

Депутатский отпрыск ни разу не приходил в себя после аварии, зато на второй день своей работы Даша заметила, как показатели монитора зашкаливают и правая рука парня выписывает в воздухе строки текста. Любопытство победило страх, и вскоре уверенно сидящий между его пальцами карандаш выписывал на странице газеты отдельные предложения, легко и осознанно, оставалось только правильно подставлять и двигать бумагу.

За два года комы парень исписал сотни страниц, и каждый раз рождалась неповторимая история-образ, выстроенная вокруг идентичной фабулы. Даша читала рассказы от имени солдата, попавшего в плен, воспитанницы интерната для ВИЧ-инфицированных детей, наркомана изнемогающего от ломки, самоубийцы на краю подоконника, несправедливо приговоренного к смертной казни заключенного. И ни единого повтора, только легкие переплетения и обязательный атрибут: балансировка на линии смерти. Почерк всегда одинаковый, но часто на бумаге появлялись иностранные языки, иероглифы и арабские символы, иногда фигурировали разные эпохи.

Сейчас Даша понимает, что обладает уникальным материалом, благодаря которому можно стремительно разбогатеть. Да и вообще это мистическая сенсация, ожившая фантастика, доказательство параллельных измерений! Но девушка не торопится с кем-либо делиться своей тайной и вряд ли соберется. Она получила доступ к священному, сокровенному источнику необычайной энергетике и если хоть одна живая душа пронюхает, то волшебная сила мигом иссякнет и источник засохнет навсегда. Некая светлая от залысин голова обязательно заверит, что Спящего Принца переключило и он, будучи заядлым поклонником Темной Башни и Стивена Кинга, на подсознательном уровне генерирует сказочные сны и описывает их. Не изменят скабрезного вывода эксперта даже убеждения родителей, что их сын на дух не переносил современную литературу. Человек никогда не увидит чуда, если он в него не верит.

Читая бережно сохраняемые блокноты, Даша проживала кусочек чужой жизни, и стала, зависима от этого, будучи давнишней фанаткой Дома 2. У нее появился шанс анализировать знания, которыми больше никто не в праве обладать, создавать теории, собственные модели вселенной, где все миры сходятся в спираль уходящую в бесконечность. И выводы ужасали ее, ведь получается, что если умираешь, то и раскиданные «я» по другим измерениям тоже отбрасывают копыта, снова и снова. С другой стороны если оклемаешься от смертоносного геморроя, то распутываются и метастазы в параллельных жизнях, но почему-то такие доводы не успокаивали. Даше стали сниться кошмары: слайд-шоу из миллиона вариантов смертей мамы, которая обречена заканчивать жизнь альтернативами ужасной гибели.

... Наркоман под ширкой делает в вену инъекцию воздуха.
Самоубийца поскользывается на мокром от дождя подоконнике и летит вниз.
В подвал, где держат пленного солдата, залетает граната.
ВИЧ-инфицированная девушка раздражается туберкулезным кашлем.
Скрипит дверь тюремной камеры, из нее выходит священник.
Над больничной кроватью склоняются лица людей, которых так любил. Женская рука поглаживает лоб, взлохмачивая челку, а родная сестра обнимает холодное тело, молясь и проклиная Господа. Максимально крепко охватывает руками, что есть силы, вжимается в дубеющее, неподатливое тело, чувствуя, как растворяются последние капельки тепла, боясь отпустить его, ведь слишком долгое грядет расставание ...

Спящий Принц перед остановкой сердца написал на листке всего два слова, которые в очередной раз встряхнули мировоззрение Даши. Финальное послание из других вселенных.
"ВСЕ ХОРОШО".

И тогда ей открылась истина: если существуют другие реальности, то просто-таки обьязано существовать *идеальное измерение*, где они с мамой целый день напролет бегают по шикарным бутикам меряя всевозможную одежду (не имея денег и на самый дешевый аксессуар), а вечером едят в Макдоналдсе мороженое с двойной карамелью и счастливы. У нее были доказательства, а не только гипотеза.

Слова из единственного подлинного измерения, которые она суеверно стала носить в медальоне на шее.

Ключевой мир.

В нем жизнь прерывается лишь, когда ты поднялся на самую высокую ее ступень и выше только небо, а для всего остального существует миллион поддельных миров... как наш с вами.

Я живу!